

Не так давно в России отметили не только 100-летие революций, но и 80-летие начала периода, вошедшего в историю как «большой террор».

По поводу репрессий в СССР в 1921-1953 годах до сих пор бушуют страсти. В художественной, документальной, мемуарной литературе, в кинематографе мы найдём различные, прямо противоположные оценки тех событий. Так называемые «сталинисты» уверяют, что репрессии были необходимы для очищения от врагов советского государства, а их оппоненты твердят об умышленном истреблении лучших людей страны, уничтожении генофонда нации. И у тех и у других противоборствующих групп есть сторонники. Споры между ними то разгораются, то утихают в зависимости от календарных дат, и не видно им конца.

1937-1938 годы выделяются на общем фоне карательных действий как уникальный всплеск насилия. За полтора года в СССР во внесудебном порядке было осуждено около 1 миллиона 350 тысяч человек, из которых 681 тысяча была расстреляна. Ни во время коллективизации, ни во время Великой Отечественной войны мы не встречаем столь огромного количества смертных приговоров.

На протяжении десятилетий историки спорят о причинах массовых репрессий в стране и о жестокости этого исторического момента. Они определили несколько совокупных репрессивных кампаний: чистка партийного и государственного аппарата, борьба с кулачеством, уголовниками и всевозможным антисоветским элементом, а также борьба с иностранными шпионами. Фактической целью всех кампаний была чистка наиболее враждебных власти элементов населения, однако выбор целей оказывался довольно произвольным.

«Лес рубят – щепки летят»-любил говорить отец народов И. Сталин. Много «нарубили дров». Невинных душ загубили тоже много, очень много...

В конце девяностых годов меня привлёк к своей работе над историей сталинских репрессий в Алтайском крае известный писатель, историк, краевед В.Ф. Гришаев. Ему, отставному офицеру, бывшему работнику Алтайского краевого архива, были доступны многие, так называемые, закрытые фонды. Мы пересмотрели и изучили тысячи дел. Я окунулся в огромный поток документов 1937-1938 годов. Знакомство с делами «врагов народа» повергло меня в шок. Каждое дело – судьба человека, его жизнь и трагедия. Поражала скудость или,

наоборот, обилие следственного материала, абсурдность и незначительность обвинений, поспешность, с которой проводились расследования и выносился приговор, отсутствие всякого здравого смысла и логики в работе следователей, их непрофессионализм.

Очень много репрессированных было среди партийно-государственных работников и православного духовенства. Число расстрелянных в рамках «кулацкой операции» священников было просто невероятным. С ними, что называется, не церемонились. Это был явно чуждый для них класс.

Репрессиям подвергались мужчины и женщины разных возрастов, разной веры и национальности, разных профессий и образования. В абсолютных числах, разумеется, это были русские люди. Среди арестованных и осуждённых были и дети.

Безусловно, нам попадались дела откровенных врагов советской власти: диверсантов, вредителей, расхитителей, матёрых уголовников, но на Алтае таких было очень мало. В основном чекистов интересовали бывшие офицеры, дворяне, купцы, священнослужители, зажиточные крестьяне. Поводом для ареста часто являлся донос соседей, сослуживцев, даже родственников, анонимный телефонный звонок или нечаянно произнесённое «неправильное» слово. Маховик карательной чекистской машины, перемалывавший миллионы человеческих судеб, работал надёжно и без остановок.

Итогом нашей тяжёлой, в моральном смысле, архивной работы стали книги Василия Фёдоровича Гришаева: «Невинно убиенные», «Дважды убитые», «За отсутствием состава преступления», «За чистую советскую власть». Книги изданы на средства Демидовского фонда (г. Бийск) и безвозмездно переданы в российские библиотеки. Не всё наработанное годами удалось опубликовать. Многие интересные документальные материалы не вошли в книги и ждут своего времени. Они обязательно будут опубликованы и будут востребованы, так как история репрессий в нашей стране ещё до конца не изучена. Слишком много в ней тёмных пятен и фальсифицированных страниц.

Когда Василий Фёдорович узнал, что я интересуюсь историей старейшего в Сибири Бийского драматического театра и судьбой репрессированных актёров, режиссёров, всех его работников, то рекомендовал ознакомиться с «делом» актёра театра Н.А. Смирнова.

Думаю, рассказ о его трагической судьбе есть конкретный пример сталинского правосудия, и вполне в русле моего повествования.

МАЛЕНЬКАЯ ЖЕРТВА «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»

Николай Андреевич Смирнов родился в 1876 году в Томске, в семье купца. В архивно-следственном деле назван сыном потомственного почётного дворянина. Но такого звания не существовало, было «потомственный почётный гражданин», что совсем не одно и то же. Чекисты по неграмотности или с умыслом произвели Н.А. Смирнова в дворяне.

В 14 лет он остался без отца, а через три года умерла и мать. Жил и воспитывался у дяди – учителя гимназии. Благодаря ему, окончил гимназию, затем – специальные курсы при московском императорском театральном училище и с 1899 года, по его словам, ездил с труппой по разным городам, больше одного года нигде не жил.

Жена его была тоже актрисой, но о ней в «деле» никаких сведений нет.

В 1936 году Н.А. Смирнов с Московской актёрской биржи прибыл в Новосибирск, отсюда уполномоченным Управления зрелищных театральных предприятий (УЗТП) направлен в г. Камень-на-Оби, а в сентябре 1937 года – в Бийский колхозно-совхозный театр.

Это было время наибольшего разгула сталинских репрессий. Не отставали от жизни и бийские чекисты. Да и кто бы им это позволил? Мимо их внимания не прошло, что в театре появился «социально-чуждый элемент» – сын купца. Представители этой категории были тогда, как известно, первыми кандидатами на арест. Но чекисты решили придать своим действиям видимость законности. Восьмого октября 1937 года, через месяц или менее прибытия Смирнова в Бийск, ими был допрошен один из артистов Бийского театра (фамилию не называю). И вот что он показал:

«Смирнов с самого начала ведёт антисоветскую агитацию. В начале октября, с целью срыва соцсоревнования – одного из лучших методов стахановского труда, он категорически отказывался заключить договор, заявив, что соцсоревнование актёру пользы не приносит, оно только мешает в работе. В результате его контрреволюционной агитации актёры Пашков, Латышенко и другие тоже отказались от заключения договора.

Смирнов не посещал политзанятия по изучению Сталинской Конституции и «Положения о выборах в Верховный Совет СССР», заявив, что Конституция написана для обмана народа.

В марте 1938 года, на митинге коллектива театра по поводу предстоящего судебного процесса над врагами народа Бухариным, Рыковым и другими, выступил с речью, в которой высказал сочувствие врагам народа, заявив, что судят заслуженных и невинных людей и что этот суд дискредитирует советскую власть. С целью отвлечения участников митинга от обсуждения главного вопроса предложил послать приветственную телеграмму героям-папанинцам. Собрание резко осудило Смирнова за такое выступление.

Ещё он заявлял, что при царе актёрам жилось лучше, чем при советской власти. А перед выездом труппы в колхозы говорил: «Зачем нам обслуживать голодранцев?»

В ноябре 1937 года директор театра предложил всем заполнить анкеты с целью установления классового состава коллектива, но Смирнов отказался это сделать, заявив, что театр – не сыскное жандармское управление...»

Вот сколько преступлений совершил старый актёр за неполный месяц пребывания в Бийском театре!..

Согласитесь, что эти показания очень похожи на донос, оформленный в виде протокола допроса. Доносчиков (стукачей, осведомителей, сексотов) развелось в ту пору немало. Были они практически в каждом

коллективе. Похоже, имелся такой и в Бийском театре, а может, и не один. Наверное, не случайно чекисты в тот же день 8 октября допросили ещё одного актёра, и он дал точно такие же показания.

26 марта 1938 года Николай Андреевич Смирнов был арестован и заключен в Бийскую тюрьму.

31 марта, через 5 дней после ареста, на первом же допросе, если верить протоколу, он признался, что «высказывал недовольство советской властью, клеветал на руководителей Партии и Правительства, игнорируя их решения».

Но не верьте протоколу! Хорошо известно, что чекисты оформляли допрос протоколом лишь после того, как обвиняемый «расколется», то есть даст нужные показания. И сколько раз за эти пять суток они таскали старого актёра на допрос, какие «меры воздействия» к нему применяли, прежде чем он согласился подписать протокол с «признательными» показаниями, мы уже никогда не узнаем.

Не узнаем и того, почему второй допрос Смирнова состоялся лишь через полгода после первого – 28 сентября! Может, от большой запарки в работе у чекистов по причине массовых арестов, а может от того, что после «мер физического воздействия», применённых к нему на первом допросе, старый артист был долгое время не пригоден по здоровью для дальнейших допросов? Но всё это – лишь мои догадки.

Со вторым –и последним – допросом тоже не всё ясно. Подписал ли он готовый, заранее сочинённый чекистами протокол или, сломленный шестимесячной отсидкой, голодом, произволом надзирателей, рассказами сокамерников, возвращавшихся, а нередко приносимых с допроса, решил подтверждать всё, в чём его обвиняют чекисты, надеясь, что на суде он сумеет доказать свою невиновность.

Вот вкратце его «признания»:

«...Я, действительно, вёл среди актёров театра и других лиц активную контрреволюционную агитацию против мероприятий Партии и Правительства...

Выезжая с труппой в сёла, настраивал колхозников против колхозов, рассказывал им, что жизнь актёра тоже плохая, полуголодная, при царе нам жилось лучше...

Распространял провокационные слухи о скорой войне с Германией и Японией и неминуемом поражении в ней СССР...

Выступал против заключения между актёрами договоров о социалистическом соревновании, в результате актёры Пашков, Латышенко и Соколов тоже отказались это делать...

На митинге по поводу предстоящего процесса над Бухариным, Рыковым и другими высказывал сочувствие к врагам народа.

Отказывался заполнять предложенную директором театра анкету с целью сокрытия своего социального происхождения и клеветнически заявил, что театр – не жандармское сыскное управление...»

Чекисты не удовлетворились «признаниями» Смирнова и показаниями двух названных выше свидетелей. После его ареста они допросили ещё двух актёров, и те подтвердили, чуть не слово в слово, показания прежних свидетелей и якобы сделанных им самим. А один из них добавил ещё такой факт: «21 февраля 1937 года, на общественном просмотре

спектакля «Алькасар», куда были приглашены партийные и советские руководители города, стахановцы и ударники предприятий, Смирнов напился пьяным и не смог участвовать в спектакле, хотя исполнял в нём главную роль. Спектакль был сорван...»

Сразу уточним: спектакль не был сорван. Смирнова заменил другой актёр. А всё остальное – правда.

Читая показания коллег и товарищей Смирнова по работе, невольно думаешь: а ведь сталинские чекисты были не так уж и не правы, заявляя, что в своей беспощадной борьбе с врагами они опираются на помощь и поддержку всего советского народа. Не будь у них стольких добровольных помощников, репрессии в нашей стране никогда не достигли бы такого размаха. И мне думается, это главный урок, который мы должны усвоить из истории репрессий, хотя это нисколько не умаляет вины сталинского руководства и послушных им органов ВЧК-ОГПУ-НКВД.

19 декабря 1938 года в Бийске состоялась выездная сессия Алтайского краевого суда. Смирнов виновным себя в антисоветской агитации не признал, при этом показал, что протоколы допросов в ходе предварительного следствия без очков прочитать не мог. (Куда делись очки, не уточняет.) Перед тем, как подписать, он лишь спросил у следователя, всё ли там правильно записано. Тот ответил, что да.

Когда судья зачитал эти протоколы, Смирнов заявил, что таких показаний не давал. Но это ему не помогло. На сей случай и у чекистов, и у судей есть железный довод: «Вину не признал, но изобличён показаниями свидетелей». А они полностью подтвердили прежние показания. И суд приговорил Николая Андреевича Смирнова «за антисоветскую агитацию» к восьми годам исправительно-трудовых лагерей и двум годам поражения в правах. Можно без преувеличения сказать, что он легко отделался, и прежде всего благодаря тому, что незадолго перед тем, в ноябре 1938 года, была отменена пресловутая «тройка». Попади его дело на «тройку», ему наверняка обеспечен был бы более долгий срок, а то и расстрел.

В кассационной жалобе, направленной в уголовно-кассационную коллегию Верховного суда РСФСР 21 декабря 1938 года, он кратко изложил свою биографию, писал:

«...Сейчас мне 63 года. Из-за старости и слабого здоровья не принимал участия в кружке по изучению Сталинской Конституции, изучая таковую индивидуально. Договор о соцсоревновании заключил. На митинге по случаю процесса над врагами народа Бухариным, Рыковым и другими внёс дополнительное предложение послать приветственную телеграмму папанинцам. Это было извращено как контрреволюционное выступление с целью отвлечь участников митинга от обсуждения главного вопроса.

Виноват лишь в том, что по пьянке не участвовал в генеральной репетиции спектакля «Алькасар».

Жалоба была отклонена, приговор остался в силе.

Судьба Николая Андреевича Смирнова после вынесения приговора не известна. 1 марта 1992 года прокуратурой Алтайского края он был полностью реабилитирован. Сам он этого светлого дня, по всей вероятности, не дождался: к тому времени ему исполнилось бы 116 лет...